

мышления и жизни для миллионов людей XX века. Непосредственно или нет, но современный католик наследует по праву рождения огромное богатство чувств и идей, которое накапливалось со времен св.

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 574

Юстина до конца XIV века и история которого без всяких натяжек показывает, что оно не перестало расти и в наши дни. Ведь здесь недостаточно говорить о выживании. Их теология не давит на католиков мертвым грузом, который они несут, не зная о его происхождении. Для них нет ничего более живого и актуального, а что касается их познания, то сравнение в целом католиков XIII века с католиками наших дней будет, возможно, не в пользу первых. Если добавить, что теология святых отцов и учителей действует и за пределами католической церкви, что англиканская церковь, например, практически не имеет никакой другой, а кальвинизм и бесчисленные секты отчасти все же находятся в зоне ее влияния, то мы, безусловно, сделаем решительный вывод: если бы от средних веков у нас не осталось ничего, кроме теологических учений, то средневековое мышление все равно продолжало бы быть сейчас громадной социальной силой и одной из доминант нашей цивилизации.

Но средние века оставили не только теологию: сами теологические направления питались чисто рациональными положениями, что раскрывает история философии в собственном смысле слова. Была ли эта интеграция философии с трудами теологов причиной ее отставания или прогресса, либо теология в конце концов отдала философии свои открытия — об этом много дискутировали, так и не придя к согласию. «Философия многое дала религиям, — говорил Орео, — она ничего им не должна». Может быть, но хотелось бы иметь доказательства, и к тому же проблема гораздо сложнее. Чтобы узнать, действительно ли философские положения средневековья (по крайней мере некоторые) что-то добавили к наследию древнегреческой философии, следует спросить себя: является ли современная философия продолжением греческой философии, если предположить, что средних веков не существовало вовсе? Это — огромный вопрос, на который нельзя ответить в данной книге, но из которого по меньшей мере можно заклю-

чить, что положение дел иногда до предела упрощалось. Если — в чем нельзя сомневаться — картезианство было философской революцией, то оно было ею не в этом отношении. Разрыв, который полагают увидеть между средними веками, наполненными теологией без философии, и современным миром, занятым одной философией без теологии, соответствует лишь внешней видимости. Единственные современные философы, которые радикально устранили теологию, — это те, кто устранил также и метафизику, но некоторые из них, в частности Кант и Конт, вернулись к теологии окольными путями. Что же касается тех, кто, напротив, стремился к метафизике, поддержал или восстановил ее, — все они должны были строить естественную теологию, обосновавшись на той же почве, которая с XII до XIV века была неделимой собственностью философа и теолога. Если средние века изобилуют теологами-философами, в современном мире нет недостатка в философах-теологах.

Неужели никто не видел границ между философией и теологией, спрашивал, впрочем, сам Орео, и можно ли утверждать, что таковые существуют? Да, они существуют, но всякая граница является одновременно пропускным пунктом и разделительной линией. Теология может обойтись без философских дисциплин, говорит св. Фома в своей «Сумме теологии» (I, 1,5 ad 2m), ибо не от них, а от Бога черпает она свои принципы, но ей удобно пользоваться принципами философии. Но как бы философия пользовалась теологическими принципами, если — исходя из факта, что она обслуживается ими, — она